

КАРТИНЫ ИЗЪ РУССКАГО БЫТА

БЕЗЧЕСТЬ

Въ деревнѣ Журелейкѣ (названіе мордовское, по уроцищу, а населеніе русское, какъ и въ сосѣдней Кармалейкѣ) живеть мужикъ Михайло съ младшимъ и холостымъ еще братомъ Матвѣемъ. Михайло одинъ изъ тѣхъ разсудливыхъ мужиковъ, у которыхъ достаетъ только смыслу на то, чтобы всякое дѣло не обсудить, а окричать, огорланиТЬ въ свою пользу, и стоять на этомъ; никакое здоровое, очевидно, прямое разсужденіе не убѣждаетъ ихъ въ томъ, чего они понять и знать не хотятъ. Попытайтесь, доведите такого мужика до разумнаго сознанія, что онъ не правъ: никакой очевидности и никакого терпѣнія для этого не достанетъ. Онъ выслушаетъ, что угодно, сто разъ съ-ряду, и сто разъ повторить опять свое же, тѣми же словами, съ тѣми же ужимками и

съ тою же самоувѣренностью. Однажды пришли ко мнѣ мужъ съ женою, по своему дѣлу, какъ они выражались. Баба затарантила, объясняя дѣло это, и, не слушая меня, ни возраженій моихъ, несла все свое. Я тотчасъ увидѣлъ, что эта была баба именно того разбора, какъ камарлейскій Михайло, да сверхъ того еще и баба, съ которою ужь и вовсе нельзя столковать. Угомонивъ ее и спросивъ, за однимъ ли они дѣломъ пришли, я велѣлъ ей молчать вовсе, а говорить мужику. Этотъ оказался толковымъ, рассказалъ все въ порядкѣ и, выслушавъ, почему никакъ нельзя было сдѣлать того, чего они просили, понялъ дѣло и убѣдился, что я ихъ разсудилъ по правдѣ. «Понялъ?» спросилъ я. — «Понялъ, батюшка». — «Ну, такъ поди же, растолкуй при мнѣ и бабѣ своей, чтобы и она поняла». Онъ принялъся толковать по—своему, а я слушалъ съ любопытствомъ, отвернувшись и не показывая виду, что слушаю. «Какъ—то онъ ее убѣдить?» Не успѣлъ я подумать это, какъ по—неволѣ оглянулся, потому—что

убѣжденіе дошло до рукопашной: мужикъ ткнулъ хозяйку свою въ шею, выshedъ изъ терпѣнья, и они, молча, раскланявшись, вышли. Этотъ отчаянныи, послѣдній доводъ, къ—сожалѣнію, одинъ только и убѣждаетъ такого мужика, какова была эта баба; послѣ такого доказательства, онъ еще, пожалуй, поклонится и поблагодарить за науку.

Михайло задумалъ женить брата Матвѣя, которому онъ быль замѣсть отца. Оглядываясь туда—сюда за невѣстой, Матвѣй назвалъ брату Дуньку Егорову, изъ сосѣдней Кармалейки. «Ну что жь? Егорову, такъ Егорову», молвилъ тотъ, и затѣмъ считалъ дѣло конченнымъ; надо было только съѣдить въ Кармалейку къ Онисиму Егорову и засватать дѣвку. Михайло быль гораздо—позажиточнѣе Онисима, а потому ему и на умъ не шло, чтобы тутъ волѣ его могла быть какая помѣха. Покуда онъ еще собирался въ Кармалейку, ему случилось встрѣтить Онисима въ Ардатовѣ, на базарѣ. Перемолвивъ съ нимъ тутъ же обѣ этомъ

дѣлѣ, онъ поладилъ: 38 руб. ас. столовыхъ или на столъ, да четверть ржи; на пропой: ведро браги, четверть ведра вина, ржаныхъ и пшеничныхъ пироговъ на полтинникъ; вѣнчать въ селѣ Куфендеевѣ, а брачному столу быть у жениха же, рублей на 50 ас. За все это Егоровъ отдаетъ дочь, съ приданымъ по мѣрѣ отцовской любви своей, но обязанъ, при съездѣ на базарѣ въ Ардатовѣ, угостить виномъ родственниковъ Михайлы, всего на восемь косушекъ, и купить всѣмъ по калачу; а невѣста должна обшить жениха бѣльемъ и принести три пары. Рукобитье кончилось тутъ же, а сговору быть въ то воскресенье. Въ задатокъ столовыхъ Онисимъ получилъ отъ свата Михайлы цѣлковый.

— Ну, доцынка, сказалъ Онисимъ, воротившись домой съ базару: — ну доцынка, рядись; женишокъ есть; я тя просваталъ; въ воскресенье сговоръ, а по рукамъ мы ужъ ударили; ладно, что ли?

— Цаво ладно, отвѣчала она: — по рукамъ бито, да ладно ли! цаво я знаю, ладно ль, коли не сказываешь зенишка-то!

Замѣтимъ, что въ этой мѣстности, гдѣ восточное оканье сталкивается съ тамбовскимъ аканьемъ, народъ цокаетъ. Непонятно, откуда говоръ этотъ зашелъ въ эту межеумочную полосу; кажется, это устроилось, чтобы сгладить хотя нѣсколько рѣзкость такого перехода. И народъ здѣсь какой-то переходный: промысловъ нѣть, пахари посредственные, охотно занимаются тряпичнымъ и тому подобными промыслами; упрямы, но не на тотъ ладъ, какъ чисто-русскій мужикъ, который боится новыхъ порядковъ, опасаясь притомъ и новыхъ поборовъ; здѣсь же теряется вовсе наклонность къ сѣвернымъ расколамъ, основаннымъ, хотя по наружному виду, на привязанности ко мнимой старинѣ, а появляется новая стихія суевѣрства, переходящая далѣе на югъ, въ Тамбовской Губерніи, въ противоположные сѣверному расколу тѣлки молоканъ и хлыстовъ. Но въ Ардатовскомъ Уѣздѣ созерцательная наклонность эта еще умѣренная и ведеть покуда только къ весьма часто-встрѣчаемому между дѣвками

обѣту безбрачія, почему и устроились здѣсь дѣвичи общины, и почти при каждомъ большомъ селѣ есть келейныя избёнки, гдѣ живутъ отдѣлившіяся по обѣту отъ родительскаго дома и семейнаго быта дѣвки, которыя, впрочемъ, также въ противоположность сѣвернымъ раскольничимъ отшельницамъ, бѣгльшею частью ведутъ жизнь строгую и честную. Давъ однажды такой обѣтъ, дѣвки эти такъ упорны, что ихъ ничѣмъ нельзя отклонить отъ ихъ заблужденія. Онѣ молчатъ, накинувъ темный платокъ на голову и потупивъ глаза, и никакая попытка благомыслящаго человѣка не приносить ни малѣйшей пользы.

Итакъ, Авдотья замѣтила отцу, что мудрено ей знать, ладно ли, коли онъ жениха не называетъ, не говоря о томъ, что спрашивается обѣ этомъ ужъ послѣ рукобитья. Она не давала обѣта дѣвства; но обычай этотъ, какъ послѣднее убѣжище отъ нелюбаго жениха, даетъ въ этомъ краѣ дѣвкамъ гораздо-болѣе свободы въ выборѣ. Первымъ дѣломъ, если ихъ

неволять замужествомъ, это постращать отца и мать, что дадуть зарокъ и тогда останутся въ дѣвках на-вѣкъ. Отецъ назвалъ Матвѣя Егорова. Авдотья отвернулась молча и проворчала что-то. Отецъ хорошо не разслышалъ: вѣроятно, догадался; но какъ дѣло ужь было сдѣлано, то и не хотѣлъ ее болѣе спрашивать, въ надеждѣ, что дѣвка уимется, пойдетъ.

Настало воскресенье, день сворона. Пріѣхалъ Михайло съ братомъ и еще кой съ кѣмъ изъ родныхъ; безъ бабъ въ такомъ случаѣ обойтись нельзя. Для почету и приличія повторили рукобитье въ домѣ отца, будто не было ничего на ардатовскомъ базарѣ. При этомъ дочери не было; но когда потребовали ее къ сворону и мать было за нею отправилась, то воротилась одна и объявила, что дочь стыдится и нейдетъ. На мать прикрикнули и, придавъ ей помощницу, отправили снова; но обѣ воротились безъ успѣха, послѣ того, какъ Дуня не далась имъ даже силою, а начинала ревѣть благимъ матомъ, какъ-только брали ее за руки. Пошелъ отецъ, но,

также не рѣшившись втащить ее силою, ради позора, долженъ быть объявить, что невѣста нейдетъ.

Пошли толки и пересуды, наставленія и совѣты, а дѣло не подвигалось. Женихова женская родня отправилась въ ту половину, гдѣ забилась куда–то Дуня, и истощила всѣ ласки свои, просьбы, обѣщанія, наконецъ усовѣщованія и угрозы — ничего не помогло: Дуня молчала, либо говорила тому, кто убѣждалъ ее тихо и кротко, глазъ—нѣ—глазъ, что отецъ «бѣмсы (то—есть бивши, ударивъ) по рукамъ», задумалъ спросить ее: «ладно—ли», что это вовсе не ладно, и она за этого жениха нейдетъ; а коли не дадутъ ей покою, то приметъ обѣть и уйдетъ въ келью или въ одну изъ общинъ.

«Что, сватушка» сказалъ Онисимъ, побывавъ еще въ послѣдній разъ у дочери и попытавшись убѣдить ее все тѣми же безуспѣшными доводами, то—есть что она ужъ просватана и что ужъ бито по рукамъ: «что, сватушка, пришла бѣда, растворяй ворота, а не минуешь; знать, не быть намъ

сватами». Но Михайлъ такой отказъ и на умъ не шель; онъ принялъ его за шутку. «Какъ, не быть сватами? Гляди-ка, а вино мое что, а брага, а пироги, а божанина?» — «Полно бредить, свать; кто дѣвку спрашиваетъ — ну, стыдится, такъ Богъ съ нею, пусть уходится, надумается; а мы за свое: мы запьемъ, заѣдимъ — и дѣло крѣпко будетъ. Ну-ко-сь вотъ, поди сюда, свать; вотъ тебѣ напередъ и денежки на столъ, по уговору...» — «Нѣть, сватушка, молвилъ тотъ, не возьму я столовыхъ, власть твоя не возьму, и не клади, и не кажи...» — «Ну, инъ послѣ возьмешь, отвѣчалъ Михайло: твоя воля; вотъ, благо отдавалъ тебѣ при честныхъ людяхъ; не за мною дѣло стало; такъ садись, давай бражничать...» — «И этого не хочу, Михайло Митричъ, ей-право не хочу, боюсь!..» — «Экой же ты какой, свать Онисимъ! да не домой же мнѣ везти угощенье — образумься. Что вы это съ дочкой за порядки урядили? Ну, плюнь на нее, брось. Что дѣвка смыслить? попъ

свяжеть, не то скажеть; теперь пора, тогда будеть иная. Садись, пей».

Такимъ—образомъ сговоръ этотъ быль отпразднованъ порядкомъ небывалымъ — безъ невѣсты. Когда гости поразгулялись, то сдѣлано было еще нѣсколько попытокъ вызвать ее, но послѣдняя попытка кончилась тѣмъ, что Дуни ужь не нашли: она ушла къ кому—то на деревнѣ и скрылась. Пиrushка кончилась своимъ порядкомъ, говоръ мужиковъ заглушался крикомъ и визгомъ бабъ, пѣсни въ разнопрядъ покрывали и то и другое; смерклось; цаловались, обнимались, о деньгахъ на столъ позабыли, а поздно вечеромъ разошлись и разъѣхались по домамъ.

Проспавшись, Михайло назвалъ брата Матвѣя дурачкомъ, тетеркой, когда тотъ усомнился нѣсколько въ томъ, полно женихъ ли онъ Дуни, а она ему невѣста ли. Михайло не видѣлъ во всемъ дѣлѣ этомъ никакихъ помѣхъ и никакихъ сомнѣній: «рукобитье было, еще и дважды; сговоръ быль; невѣста, правда, не вышла,

застыдилась, да это ужь не отъ нась, а отъ нихъ» говориль онъ: «а всѣ стануть стыдиться, такъ намъ и невѣсть не видать. Деньги на столъ надо еще отдать ему, а не想要, и на то его воля. Свадьба черезъ воскресенье — такъ попъ велѣль».

Въ Кармалейкѣ, между тѣмъ, Онисимъ съ хозяйкою своею повременамъ толковали о томъ, какъ теперь быть и чтѣ будеть, и обращались къ Дунѣ не то съ просьбой, не то съ приказаніемъ: «Доцынка матушка, иды!» — «Не пойду», отвѣчала она. — «А пошто не пойдешь?» — «А по то не пойду, что съ Матвѣемъ жить не хоцу». — «А по што съ Матвѣемъ жить не хошь?» — «Не хоцу». — «А по што не хошь?» — «Уйду въ обцыну (общину)». Эта острастка зажимала ротъ родителямъ; дѣло ни туда, ни сюда, а время шло впередъ.

Въ первое за тѣмъ воскресенье, разносваты мои опять столкнулись на базарѣ въ Ардатовѣ, и Михайло тотчасъ сталъ сзыывать, кто изъ своихъ былъ тутъ, заставляя Онисима, по договору, поднести восемь косушекъ вина, да купить калачей.

Онисимъ—было на попятный, объявивъ еще разъ, что доцынька нейдетъ, ни за што нейдетъ, и, доставъ задаточный цѣлковый, стоялъ и кланялся передъ Михайломъ, чтобы онъ его принялъ и дѣло бросиль. Но Михайло такого шума надѣлалъ, что весь базарь сбѣжался; обращаясь къ толпѣ и чествуя ее добрыми людьми, онъ разсказывалъ въ нѣсколько приемовъ, что вотъ онъ у Онисима dochь засваталъ за меньшаго брата, что ужь и пито и по рукамъ бито, и сговоръ быль въ то воскресенье, и задатокъ на столъ отданъ, и на сговорѣ онъ истратился да исхарчился, а теперь Онисимъ пятится. Общій голосъ укора обратился на Онисима; всѣ стали говорить, что такъ дѣлать негодится, что добрыхъ людей безчестить нельзя, и прочее. Оправданія его, что онъ не отказываетъ, да доцынька нейдетъ, никто не слушалъ, и Михайло, продолжая громко и звучно повторять одно и то же, приступалъ настоятельно къ разносвату, чтобы угощаль. Тотъ растерялся, не зналъ, какъ отдѣлаться, купилъ вина и калачей.

Михайло досталь кошель и сталъ додавать ему столовыя; но отъ нихъ Онисимъ опять отказался на—отрѣзъ, замахалъ руками и убѣждалъ его принять обратно задатокъ, чего Михайло не хотѣль и слышать, а повторилъ, что свадьба въ то воскресенье, что такъ попъ велѣль, что они пріѣдутъ поѣздомъ за невѣстой для отвоза молодыхъ въ приходскую церковь, въ Кужендеево, а имъ, отцу и матери, между—тѣмъ,ѣхать прямо въ Журелейку и тамъ ожидать молодыхъ и столь. «Не пойдетъ она, доцынъка!» повторяль робко Онисимъ, обнялся и простился со сватомъ, и разъѣхались по домамъ. На недѣлѣ Михайло еще—таки, для приличія, послалъ отъ себя боярина въ Кармалейку, заявить Онисиму весь порядокъ этотъ; бояринъ воротился съ тою же вѣстью, что нейдеть—де невѣста, но Михайло только кивнуль головою и принялъ готовить угощеніе. Четыре пуда солоду переварено было на брагу; куплено шесть пудовъ говядины, за которую нарочно єздили въ Ардатовъ; заготовлено пироговъ разныхъ родовъ,

вина — всего, по условію, слишкомъ на 50 р. асс.

Не заставило себя ждать и воскресенье; шумный поѣздъ жениха поднялся въ Журелейкѣ, въ праздничныхъ кафтанахъ и сарафанахъ, въ лентахъ, съ индюшичими перьями на шляпахъ; двое верховыхъ очищали дорогу; все это принеслось ранымъ—рано въ Кармалейку, гдѣ незамѣтно было ничего праздничнаго. Онисимъ, послышавъ шумъ и гамъ и звонъ глухарей и гармотунчиковъ, высунулся, въ испугѣ, въ окно и, увидавъ поѣздъ, завопилъ: «топьрица пропала моя головушка!» Хозяйка металась туда и сюда, не зная, что дѣлать, а Дуня забилась на подволоку. Старъ и маль высыпали на улицу и со всѣхъ сторонъ направились къ избѣ Онисима.

Дружки соскочили съ лошадей и стали громко стучать кнутовищами въ ворота, приговаривая, что охотники слѣдили куницу и выслѣдили ее до подворотни этого дома, и проч. Ни отвѣта, ни привѣта! Поглядѣвъ другъ на друга и на поѣзданъ, дружки

вошли, не дожидаясь обзыву, и застали хозяина, неодѣтаго, въ дверяхъ избы; тутъ стояль онъ въ раздумыи, не зная, что начать. «Нешто такъ принимаешь ты званыхъ гостей?» спросили тѣ, также остановившись въ недоумѣніи. —

«Простите, не взыщите» началъ тотъ, цокая: «доцынька нейдеть; что хотите, то и дѣлайте, власть ваша — нейдеть.»

Дружки вышли, говоръ пошелъ по всему поѣзду, и Михайло расходился. Онъ самъ пошелъ въ избу, но, не могши добиться ничего отъ Онисима, сталъ—было вызывать поѣзжанъ, чтобы идти въ домъ, отыскать и взять невѣсту и обвѣнчаться, потому—де, что дѣло это кончено и что убытки позади, а безчестье впереди. Но тутъ вступились всѣ кармалейцы и напередъ всего бабы: всѣ объявили, что этого не водится и что силою не дадуть они взять невѣсты. Долго еще стояль на улицѣ поѣздъ, долго еще кричали и шумѣли; Михайло выходиль изъ себя, ораль громче всѣхъ, не хотѣль слышать никакихъ причинъ и доводовъ, но долженъ быль наконецъ поворотить оглобли и

въѣхать въ Журелейку тихо и скромно, для чего весь поѣздъ разбился врознь и каждый въѣзжалъ по—себѣ, стараясь укрыться отъ общаго вниманія поселянъ. Само—собой разумѣется, что глухари и балабончики дорогою были сняты.

На другой день Михайло отправился въ приказъ, взявъ съ собою кого нужно было въ свидѣтели, и принесъ жалобу на убытки и на безчестье. Еслибы онъ рассказалъ дѣло въ двухъ словахъ, какъ оно было, то—есть, что дѣвка отказалась и нейдетъ, то, вѣроятно, и старшины разсудили бы по правдѣ, какъ прочие міряне, что неволить нельзя, коли добромъ не сладять и коли дѣвка больно упрямая, потому—де что и попъ неволей вѣнчать не станетъ; а въ убыткахъ, кромѣ задаточныхъ, которыя воротить, Михайло самъ виноватъ, по своему упорству; онъ загодя зналъ, что невѣста отказалась на—отрѣзъ, а настаивалъ упрямо и дѣлалъ всѣ приготовленія. Но здѣсь вышло не такъ: головы не было, а изъ двухъ наличныхъ старшинъ одинъ былъ журелейскій и въ родствѣ съ Михайломъ;

этотъ же рассказалъ дѣло по–свѣму и тѣмъ ввелъ и старшинъ въ кривой толкъ и въ грѣхъ; онъ всю жалобу свою приносиль на Онисима, который–де просваталъ, запиль и сговорилъ дочь, а теперь не отдаетъ ея, чѣмъ изубытчилъ и обезчестиль его.

Послали за всей семьей въ Кармалейку, и когда она явилась въ приказъ, то приказывали Онисиму настоятельно отдать дочь. Никакія объясненія его, что онъ и не отрекается, да доцынъка нейдетъ — не помогали. «Коли не отдашь дочь, то уплати сейчасъ всѣ убытки Михайлы, да заплати двадцать рублей ассигнаціями безчестья». — «И этого не хочу!» кричаль расходившись Михайло: «а отдай онъ дочь, дочь запитую, сговоренную, отдай». Онисимъ съ женою кланялись, предоставляя Михайлѣ братъ дочь, коли она пойдетъ. А она стояла спокойно и только на вопросы старшинъ отвѣчала: «не пойду». Онисимъ выложилъ на руку задаточный цѣлковый, да прибавилъ еще къ нему цетвертацокъ, и упрашивалъ Михайлу

принять это и отпустить его; Михайло плевалъ и отворачивался. Наконецъ самоуправные старшины присудили посѣчь Онисима и тѣмъ заставить упрямую дочь согласиться. Но и эта попытка не удалась: «Матушка доцынька, иди!» кричалъ бѣдный Онисимъ. — «Батюшка, потерпи!» отвѣчала она: «тебѣ мало терпѣть, а мнѣ вѣкъ маяться». Пробившись попусту, старшины кончили тѣмъ, что велѣли Онисиму все—таки отдать дочь за Матвѣя, потому—что она ужъ запита, и сговоръ былъ, и попъ велѣль вѣнчаться; если же не отдастъ, да въ три дня не уплатить всѣхъ убытковъ и безчестья, то опять накажутъ, въ приказѣ, всей семьей. По окончаніи всего разбирательства и суда, наѣхалъ и голова, мужикъ порядочный, но слабый и состоявшій всегда подъ вліяніемъ другихъ. Онисимъ къ нему. Услышавъ, что дѣло уже кончено безъ него, голова не захотѣль прекословить, замяль жалобу о томъ, что Онисима наказали самоуправно за то, что дочь его нейдетъ за Матвѣя, убавиль только на нѣсколько рублей безчестье,

которое правиль съ него Михайло, а остальное утвердиль.

Пришедши домой, Онисимъ спросиль: «Чтг жь мы теперь дѣлать станемъ? Пойдешь, что ли, Дуня?» — «Не пойду». — «А пошто не пойдешь?» — «А по то, что съ Матвѣемъ жить не хочу». — «А пошто не хошь, Дунька? А я гдѣ возьму эку суйму денегъ, убытки да безчестье платить? этого у меня нѣть за душой; четвертацокъ даваль — не беруть; что дѣлать станемъ?» — «Иди къ управляющему въ городъ», сказала Дуня: «вотъ, что; не то я сама пойду». — «Ой-ли?» — «Право, иди; неужто нашего дѣла не разсудятъ? Ну тебѣ, батюшка, пусть и по дѣломъ маленько досталось, вѣдь не больно посѣкли, пошто было чужу душу кабалить, да запимсы спрашивать — «ладно ли»? а такого нѣть православнаго закона, чтобъ замужъ неволить».

Онисимъ взяль шапку, да четвертачокъ, который сулиль за безчестье, на дорогу, и пошелъ. Забавенъ быль разсказъ его, когда онъ приносиль жалобу, и все снова

обращался къ тому, что онъ упрашивалъ: «поди, доцынъка», а она отвѣчала: «терпи батюшка, тебѣ не сколько терпѣть, а мнѣ вѣкъ маяться».

Рѣшеніе состоялось такое:

Приказный староста Савуновъ и добросовѣстный Якимановъ наказали самовольно и притомъ напрасно крестьянина Онисима Егорова. Голова Мироновъ зналъ объ этомъ, не донесъ начальству и оказалъ самоуправству этому повторство. За это Савуновъ и Якимановъ отставляются отъ должностей своихъ, съ запиской въ штрафную книгу и съ лишеніемъ права голоса на сходкахъ; головѣ дѣлается строгій выговоръ; всѣмъ троимъ уплатить тотчасъ Онисиму за обиду каждому по полному годовому окладу податей съ одного тягла, то—есть по 11 р. 32 к. сер. О случай этомъ объявить въ острastку по всѣмъ сельскимъ приказамъ.

Онисимъ не вѣрилъ своему счастью. «Вотъ, доцынъка, какія деньги Богъ далъ, и во снѣ мы съ тобой ихъ не видали! Вѣдь это, дай Богъ здоровье нацальнику, мы съ

тобой заработали!» — «Нѣть, не мы» отвѣчала та, смѣючись: «вся работа твоя была, батюшка; ты заварилъ кашу, ты и выхлебалъ. Вся моя работа была, что я не послушалась неразсудливаго приказанія твоего: не пошла за Матвѣя, да надоумила тебя идти къ управляющему».

В.ДАЛЬ
